Стася Андриевская

Мой муж сестры

Любимый ~

Стася Андриевская

Мой любимый – муж сестры

«Автор»

2024

Андриевская С.

Мой любимый – муж сестры / С. Андриевская — «Автор», 2024

В летнем лагере для талантливых студентов Ника впервые в жизни влюбляется — тайно, но так сильно, что всё остальное словно перестаёт существовать. С возлюбленным её связывает тёплая дружба и самый настоящий, взрослый поцелуй, едва не переросший в близость… Но это страшная тайна, ведь возлюбленный Ники — её преподаватель! К тому же, вернувшись из лагеря домой, Ника неожиданно узнаёт, что её любимый вот-вот женится… на её сестре!

© Андриевская С., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 18
Глава 5 21
Глава 6 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Стася Андриевская
Мой любимый – муж сестры

Глава 1

Ну вот ещё новости!

В сердцах выругавшись, приваливаю к стене чемодан и, ничегошеньки не видя в прорези маски, шарю по карманам.

И это называется, сюрприз она мне готовит, да? А самой даже дома нету!

Наконец нащупываю ключи и открываю дверь. И тут же понимаю, почему Машка не отзывалась – в ванной шумит вода.

Ну что ж… зловеще ухмыляюсь и сваливаю багаж у порога – так даже интереснее!

Проходит ещё пара минут, мне душно в маске, и жутко чешется нос, но я терпеливо выжидаю. Наконец душ выключается. Я пячусь подальше в проход коридорчика и замираю. Выскакивать с банальным «Бу!» – это детский сад. Мы с Машкой так часто проделывали это друг над другом, что теперь хоть на тромбоне дунь в самое ухо – эффекта ноль. А вот застывший в полутёмной пустой квартире монстр…

– Едрить твою!.. – восклицает вдруг эта полутёмная пустая квартира мужским голосом, и я отшатываюсь от неожиданности и неловко заваливаюсь в угол.

Тут же вскакиваю, пытаюсь сдёрнуть с головы маску, но силикон, зараза, липнет, заставляя меня припадочно извиваться и визжать от ужаса. В этот же миг хлопает входная дверь… и к моим воплям добавляются Машкины.

Словом, хороший сюрприз получился. Громкий.

– Ника, блин, ты меня чуть заикой не сделала! – наконец, держась за сердце, обретает дар речи сестра. – Что это за ужас вообще?

Она тычет в мою маску, но я лишь растерянно комкаю её в руках и пялюсь на мужчину, который от смеха едва не сползает по стеночке. В одном полотенце вокруг бёдер, не качок, но довольно спортивный, с волнующими рельефами плеч и широкой, в каплях воды, груди… И встретить его здесь, даже если бы он не был полуголым – вот это действительно сюрприз!

Когда все немного успокаиваются, Машка передумывает меня убивать, а «сюрприз» переодевается в нормальную одежду, свершается, наконец, и «знакомство»:

– Ника, это Артём, мой друг. Артём, это Ника, моя сестра.

Пауза. Мы с ним встречаемся взглядами, и я тут же смущённо отвожу свой.

– Сестра? – удивляется он. – Но ты же говорила ей шестнадцать? Тогда как же…

– В этом году десятый интенсивом буду сдавать, Артём Анатольевич, и поэтому через класс перепрыгнула, – обречённо вздыхаю я. – А так в одиннадцатый я должна была только в следующем году пойти. А закончить и того позже. Вот и считайте.

Хочется поднять взгляд, но он словно прилип к полу. Интересно, а что чувствует Артём? И чувствует ли вообще хоть что-то?

– Погодите, вы что, уже знакомы? – наконец догадывается Машка.

– Совсем немного. Я какое-то время вёл у них в лагере программирование.

– Серьёзно? Так ты ещё и педагог оказывается? – не замечая моей растерянности, суетится у стола сестра. – Так, внимание, торжественный моме-е-ент… – и она эффектно водружает на стол утку по-пекински. – Уф-ф, надеюсь, пропеклась!

Ресторанная доставка, вынутая из духовки – до неприличия киношный трюк, но в любой другой ситуации мне было бы наплевать, лишь бы заполучить румяное крылышко… А вот сейчас показуха неприятно задевает за живое.

– Да ну, какой из меня педагог, просто человечка одного подменял. – Артём небрежно приваливается бёдрами к подоконнику, руки в карманах. И вроде, весь такой на расслабоне, но я чувствую его изучающий взгляд исподлобья и мне хочется провалиться, лишь бы не светить тут своими пунцовыми щеками.

Словно что-то почуяв, Машка вдруг льнёт к нему, игриво прикусывает за ухо, и Артём привычным жестом приобнимет её в ответ. Я машинально закатываю глаза, мол, вот дураки, устроили тут… а у самой пронзительно защемляет в груди. Друг, значит? Ага, конечно!

– Кстати, эта твоя маска, – вспоминает Машка, – что за кошмарище такое? Кто это?

– Ан аньон саянтифик бэстия[1] – бурчу я. Видеть здесь Артёма я не была готова – это раз, а уж любоваться на их с Машкой нежности… – Я к Сиротиной! Обещала зайти сразу как приеду, чуть не забыла.

– Какая ещё Сиротина, – возмущается мне вслед сестра, – я кому сюрпризный ужин готовила?

– Сюрприз удался, спасибо. Приятного аппетита!

***

Настроения не то, что ноль, оно в глубоком минусе. Очевидно же, что если жизнь и умеет строить подлянки, то эта – самая стрёмная из всех возможных!

Женька Сиротина, моя школьная подруженция, немного скрашивает этот шок. Ей всё интересно, вопросы сыплются один за другим, только успевай отвечать. Однако, рассказы о лагере пробуждают у меня и другие воспоминания… и мысли сразу же возвращаются домой.

…Интересно, чем они там сейчас занимаются? Утку едят, или…

Жмурюсь, отгоняя дурацкие образы. Но настроение всё равно падает ещё больше.

– Что-то не больно-то ты похожа на счастливую, Крылова! – хитро щурится Женька. – Влюбилась что ли? Ну и в кого же, в этого, или в этого? – смахивает фотки на экране моего смартфона. – О, а вот тоже ничего так красавчик…

– Какая, нафиг, любовь, Сиротина? – излишне агрессивно выхватываю у неё телефон, который сама же и дала. Тут же понимаю, что веду себя как дура, но уже поздно. – Просто устала с дороги.

– М-м… – непонятно тянет Женька, и повисает напряжённая пауза, в которую так кстати врывается голос тёти Оли с кухни:

– Девчонки, за стол!

Однако за ужином всё становится только хуже.

– Ну а если наша бестолочь поднажмёт, и закончит десятый с отличием, у неё есть шансы попасть в этот ваш Научград? – спрашивает Женькин отец.

– Попробовать можно, конечно, – глядя на резко посмурневшую подругу, уклончиво отвечаю я, – только там кроме школьных оценок ещё какие-нибудь другие результаты нужны.

– Например олимпиады?

– Ну… да. Например.

– Всё, Женёк, – тут же принимает решение дядя Коля, – беру тебе репетитора! И чтобы никаких больше телефонов больше часа в день, пока пригласительный в Научград вот сюда, – шлёпает ладонью по столу, – мне не положишь!

Подруга зло сопит, я вымученно улыбаюсь и уже не решаюсь озвучить главное – олимпиада должна быть как минимум региональная, а занятое место – обязательно первым. Да и то не гарантия, что пригласят, слишком много желающих.

– Ну а чем вы там ещё занимались? – любопытствует Женькина мама. – Всё-таки три месяца, это не какая-нибудь пара недель. Целая мини-жизнь!

---

[1] An unknown scientific bestia (лат.) – Неизвестный науке зверь

Я жму плечами. Жизнь, причём не мини, а мега-супер-максимум, у меня там действительно случилась – в сентябре. А потом всё в один миг стало однообразным и наполненным мучительным ожиданием новой встречи.

Вот и дождалась, блин.

– Да так, ничем особенно. На самом деле и свободного времени почти не было, сплошная учёба.

– А как там относились к тому, что ты младше всех?

– Никак. Я не афишировала, и никто из простых смертных не знал.

– Да ты что! – искренне удивляется тётя Оля. – Почему скрывала? Это же такие результаты! За один год сразу два класса зако…

– Так ладно! – резко двинув табуретом, поднимается вдруг Женька. – Мне ещё надо успеть к девчонке одной зайти. Ник, нам как раз по пути. Пошли.

– Жень, ну кто так делает? – шёпотом одёргивает её мама, но подруга лишь отмахивается и демонстративно выходит из кухни.

– Ты приходи ещё, Ника, мы всегда рады! – словно извиняется на прощание тётя Оля, а дядя Коля ставит жирную точку:

– Приходи, приходи! Пусть наша мадам хоть на нормального человека, у которого цели в жизни есть посмотрит и правильные выводы сделает, а то сплошная дурь в голове! Телефоны всякие и тупые Шмик-Токи, или как их там. А потом удивляются, что одни московские академии заканчивают и на престижную работу устраиваются, а другие – максимум местный технарь на не пойми кого, а потом вперёд – до конца жизни дворы за копейки мести! А просто вовремя за ум надо было браться!

Несмотря на вечернее время, на улице ещё довольно светло – декабрь в этом году с первых дней порадовал снежком. Мы идём с Женькой вдоль ряда торговых павильонов, уже украшенных мигающими фонариками, и молчим. И умом-то я понимаю, что ни в чём перед подругой не виновата… Но чувство вины всё равно переполняет.

– На самом деле не было там ничего прикольного, – вру, пытаясь разрядить атмосферу. – И вообще Научград этот – как секта какая-то для начинающих научных фанатиков. Я, если честно, чувствовала себя там не в своей тарелке, если не тупицей вообще.

– Надо же, какие инсайты попёрли! – усмехается Женька. – Значит, всё-таки не зря съездила. Ладно, мне теперь туда. Пока!

И она, резко оставив меня одну посреди тротуара, поспешно перебегает через дорогу и, так ни разу и не обернувшись, скрывается за деревьями. А я сначала долго стою на месте, ощущая странную растерянность, а потом спохватываюсь, что об меня уже спотыкаются прохожие, и иду, наконец, дальше.

Едва вижу свой двор, как сердце начинает колотиться быстрее.

…Ушёл, не ушёл?

За попыткой спрятаться от реальности у Женьки дома, я упустила главное – возможность спокойно прислушаться к себе и решить, как быть дальше. Как быть *с этим*.

И вот теперь мне и отчаянно хочется домой, чтобы успеть увидеть Артёма, и жутко не хочется, чтобы не дай бог его не увидеть. Но ладно, допустим сегодня я ещё найду, где потянуть время, а завтра? Послезавтра?

К подъезду подхожу совсем уж черепашьим шагом, мешкаю на пороге. А потом наконец решаюсь и, рывком распахнув дверь… с разлёта в кого-то врезаюсь.

– Осторожно! – подхватывает меня Артём, а узнав, немного теряется: – Оу… привет. Пришла уже? – И только ещё через пару мгновений, очнувшись, разжимает руки и отстраняется.

Краем сознания я понимаю, что вот он – момент, о котором так мечтала… Но в реале лишь глупо стою посреди прохода и не нахожу вообще ни единого слова для продолжения разговора. Ну что за закон подлости?

– А я, наоборот, уже пошёл, – словно извиняясь, улыбается Артём и осторожно протискивается мимо меня. – Пока!

Я не реагирую. Внешне. Но под коленями томная слабость от его близости, а губы заливаются таким знакомым, покалывающим жаром, что хочется их облизнуть. Словно в замедленной съёмке смотрю как Артём, закинув на плечо конец длинного шарфа, ступает на крыльцо… Но разворачивается вдруг ко мне.

– Ник, я не стал рассказывать Маше, не обсудив это с тобой. Но думаю, что сказать всё-таки надо, причём не затягивая. Как считаешь?

Заторможенно киваю. *Как я считаю? Что считаю? Где считаю? Куда?..*

– Хорошо, тогда я прямо сейчас и поднимусь. Ты со мной или погуляешь пока? … Ника? … Вероника, ты меня вообще слышишь? Я говорю, что…

– …А? А, нет, нет, не надо!

– Что не надо? – непонимающе хмурится он.

– Подниматься. Серьёзно, забей, я сама расскажу. Не проблема.

– Точно?

Киваю и скрываюсь в подъезде.

***

– А как же твой Саня?

Сижу в кресле, поджав под себя ноги, и угрюмо наблюдаю как Машка развешивает на раскладной сушилке свежевыстиранные рубашку и брюки Артёма.

Сюрприз к моему приезду она действительно готовила, но не в виде своего полуголого «друга», а праздничный ужин. И уж чем тут надо было заниматься, чтобы умудриться так глобально измазаться мёдом – это я старалась не думать, не особо поверив в рассказ Машки, о том, что Артём просто доставал банку с антресолей и что-то пошло не так. Прямо ему на голову, ага.

Впрочем, в пользу этой версии говорила ополовиненная банка жидкого акациевого мёда на кухонном столе, и вторая полная, закрытая не капроновой крышкой, а листом бумаги и тесёмкой – на антресолях. Да и то, что Машка срочно побежала в магазин хоть за какой-нибудь одеждой для Артёма, тоже говорило о том, что показывать его мне голым никто не собирался. Ну и сама я, чего уж там, готовя Машке шок-сюрприз в маске, приехала на полчаса раньше запланированного.

– А что Саня, Саня оказался козлом, – с философским спокойствием пожимает плечами Машка. – Вот и пусть ищет себе какую-нибудь козу под стать, а я пас.

Фыркаю. Ещё бы! Где Саня – и где Артём…

– Ну а… *этого* ты где взяла? – Не могу произнести имя Артёма вслух, словно боюсь, что это выдаст моё сумасшедшее, до тремора в руках, волнение.

– А он в офис к нам пришёл, что-то там по компьютерам. День покрутился, два… Ну а на третий я его и совратила.

– Да уж… – Злюсь, и даже не знаю на что больше: на Машку или на Артёма. – Быстро это у тебя, не успела с одним распрощаться, как тут же второго подцепила. Сразу видно – настоящая любовь!

– Знаешь, что, – грозно упирает руки в бока сестра, – имею право! Я, если ты не забыла, личной жизни-то как таковой и не видела ещё, а мне, между прочим, уже тридцать!

Я кривлюсь. Да-да-да, слышали, знаем! Всю молодость свою золотую посвятила воспитанию младшей сестры, взвалив на плечи обязанности погибших родителей. Ни тебе дискотек, ни свиданий под луной и вот этого всего. Да я и не спорю, что она действительно старалась! Я

благодарна! И, возможно, неустроенность личной жизни действительно как-то связана с тем, что на шее у неё всё время была я… Однако же и в именах её «бывших» путаюсь уже не только я, но и она сама.

– А ничего, что ты лет на пять старше него?

– И что? Зато он талантливый и перспективный айтишник!

– Пф-ф, это что, так важно в отношениях?

– И это тоже, уж поверь. Но главное, конечно, что он серьёзный. Я иногда даже удивляюсь насколько он зрелый для своих лет. И надёжный. Таких сейчас даже среди «тридцать плюс» хрен найдёшь. Кстати, – присаживается на диван, – что там в лагере у вас, студенточки, небось, толпами за ним бегали?

– Естественно! – Не могу не уколоть. Да и не сильно-то и вру, вниманием Артём действительно пользовался повышенным.

– И что на это он?

Смотрю в пол, разрываясь между желанием рассказать правду и каким-то неясным страхом. Вздыхаю.

– Ничего. Он их просто не замечал.

– То-то же! – счастливая Машка легонько щёлкает меня по носу и направляется из комнаты.

– Слушай, а когда вы с ним… – окликаю я, – ну… это…

Она вздёргивает бровь:

– Тебе в подробностях или как?

Чувствую, что заливаюсь краской. С сеструхи ведь станется и в подробностях.

– Я имею в виду как давно вы познакомились!

– А это… Ну где-то в середине октября. Числа тринадцатого или пятнадцатого, точно не помню, надо в календарь смотреть. А что?

Мотаю головой и наконец остаюсь в комнате одна.

Серьёзный, ага. И надёжный. Ведь от двадцать восьмого сентября по пятнадцатое октября целые две недели выдержал!

Глава 2

– Кроме того, Вероника неоднократно защищала честь школы на олимпиадах различного уровня, причём, очень успешно! Ну что ещё… – классуха мнётся, не понимая, как зафиналить дифирамбы, а я стою, как тополь посреди поля, и мечтаю провалиться со стыда.

Ну зачем это всё нужно было вообще, если, класс старше, класс младше, а все ученики в одной школе и так друг друга плюс-минус знают и без всех этих церемоний знакомств? А мне так вообще светиться ни к чему, неужели её не предупредили?

– Вероника, может ты сама ещё что-то про себя расскажешь? – наконец осеняет классуху.

– Нет, мне нечего добавить.

– Хорошо, тогда садись вон туда, и начнём урок.

Я с облегчением покидаю лобное место, но, уже заходя в свой ряд, замираю от оклика:

– Как нечего добавить, а про любовника сестры, который в комитете образования за тебя все вопросы зарёшивает?

Резко оборачиваюсь, но на лицах одноклассников одинаковые нейтральные улыбки. Сажусь за парту, но не спешу доставать учебник – руки дрожат. Украдкой оглядываю ряд у окна. Грушко? Каримова? Ловлю уничижительный взгляд сначала от одной, потом и от второй.

Ну понятно! Местная королева понтоты и её невзрачная шестёрка-поддакивалка. Классика.

На перемене иду в свой родной десятый «Бэ», к Женьке. После злополучного «знакомства с новым классом» я катастрофически нуждаюсь в подружеской поддержке, но Женька куда-то торопится, и лишь, буквально на бегу дежурно чмокнув в щёку, обещает, что найдёт меня позже. Ну окей.

Вот только на следующей перемене она снова куда-то спешит.

Третьим уроком идёт моя стихия – биология. Препод у нас очень хороший, настоящий учёный интеллигент, хотя многие его и недолюбливают за манеру вставлять почти после каждого слова «э-э-мм» Впрочем «недолюбливают» – это не то. Его просто считают чудиком и не воспринимают всерьёз, между собой обидно называя «Бэмэкой», а он настолько одержим своим предметом, что даже не замечает издёвок. Я думала это только в моём родном бывшем классе такая фигня, но едва начинается урок в этом, как тут же понимаю – здесь всё то же самое.

– Итак, – начинает биолог, – я думаю, что всем нам будет, э-э-мм, интересно послушать Веронику Крылову, которая, э-э-мм…

– Мэ-э-э! – передразнивая, блеет кто-то с задних парт.

– …всю осень провела в удивительном, э-э-мм, месте – совершенно не замечает издёвок препод, – научно-профессиональном молодёжном, э-э-мм, лагере Научграде. Вероника, просим!

– Бэ-э-э! – торжественно завершают с задней парты.

Я злюсь. Ну что за идиоты?!

– Иван Петрович, а можно я вам лично потом всё расскажу? Когда стадо покинет загон?

Кто-то хихикает, биолог интеллигентно разводит руками и, пару раз наморщив нос, чтобы поправить очки, берётся за мел.

– Ну что ж, воля ваша. В таком случае, э-э-мм, записываем тему сегодняшнего урока, которую мы с вами уже…

– Слышь, Крылова, – вплетается в речь учителя сдавленный шёпот с задов, – у нас так не прокатит! У нас либо ты со всеми, либо против всех!

Оборачиваюсь. Там Щелкунов, глядя на меня, медленно ведёт пальцем по шее. Подкатываю глаза и отворачиваюсь. Хомо дебилиус. Что он вообще в одиннадцатом классе забыл, с таким-то IQ[2]?

Однако ему на выручку неожиданно приходит царица Каримова.

– Иван Петрович, а вам, э-э-мм, ещё нужны кандидаты на международную олимпиаду в Пекине? А то у нас, э-э-мм, Крылова очень хочет поехать!

– Ну а что, – искренне воодушевляется биолог, – Вероника, между прочим, одна из немногих кто…

– Бэ-э-э! – с задо́в.

– …имеет все шансы пройти, э-э-мм, отбор на поездку!

– Ещё бы! У неё такая крыша в комобре[3], что ей можно сразу золотую медаль дать!

– Ага, экстерном! Первый раз что ли!

В поднявшемся гвалте непонятно кто ржёт над «шуткой», а кто просто, воспользовавшись моментом, начинает болтать о своём. Я молчу, уставившись в парту, лицо пылает. А Иван Петрович, сцепив руки на животе, терпеливо ждёт, пока шум стихнет. Наконец, поправив очки, разворачивается обратно к доске, но вместо продолжения темы урока, изрекает вдруг:

– Мой вам, Вероника, совет – не берите в голову! Пока одни упражняются в пустом остроловии, другие, э-э-мм, делом доказывают, кто был прав, а кто у мамы с папой просто не получился!

Класс взрывается хохотом – такого поворота от Бэмэки точно никто не ожидал! Потерявшая дар речи Каримова вспыхивает не меньше меня, а её верная поддувалка Грушко аж с места вдруг вскакивает:

– А у кого-то и мамы с папой вообще нету, только сестра шаболда, и её любовник, который вашей дорогой Крыловой грамоты в комитете образования рисовал! Но только всё, кончился праздник! У шаболды новый мужик, а Крылова теперь и сама из тех, кто у мамы с папой не получился! И мы ещё посмотрим, закончит ли она вообще одиннадцатый класс, или вылетит в какой-нибудь технарь с аттестатом за девятый в зубах! – И, донельзя довольная собой, гордо восседает обратно.

Класс резко затихает, даже Иван Петрович теряется. И в этом душном молчании я, с трудом унимая предательскую резь в носу, встаю и, не глядя ни на кого конкретно, чеканю:

– Личная жизнь моей сестры, никого кроме неё не касается, это раз. А во-вторых, для тех кто сомневается что я всего добилась сама, я клянусь, что сначала закончу эту школу с золотой медалью, а потом с первого раза поступлю на биофак в МГУ. Сама. На бюджет. И если я этого не сделаю – я сама лично признаю, что я не получилась у… у мамы с… с па… папой… – на последних словах я уже не могу держать ни безнадёжно дрожащий голос, ни слёзы. Поэтому хватаю сумку и, без спроса покидаю кабинет.

До конца урока я стою в рекреации второго этажа, в царстве начальной школы. И хотя вокруг меня происходит полнейших хаос мельтешащей мелюзги – чувствую я себя чертовски одиноко. Как снег за окном: вроде со стороны глобальная метель, а на самом деле каждая снежинка сама по себе.

Едва раздаётся звонок на большую перемену, я спешу в столовку – занять место себе и Женьке. Однако она сначала задерживается, а потом в упор не видит меня в толчее. Наконец замечает и, подхватив поднос, садится со мной.

– Фух, я уж думала стоя жрать придётся! – Посылает мне воздушный чмок и торопливо набивает рот макаронами.

---

[2] IQ (Inltelligence Quotient (англ.) – коэффициент интеллекта.

[3] Комо́бр – сокращение от Комитет по образованию.

– Буду знать, что самый верный способ заловить тебя, это столовка, – в тон ей шучу я, и сходу перехожу к тому, что накипело: – У меня, прикинь, с новым классом полная засада какая-то, как будто я им всем по сто рублей долж…

– Кать, Свет! – совершенно не слушает меня Женька. – Идите сюда, тут свободно!

Вообще, к этому моменту места появились уже много где, и звать девчонок именно сюда не было необходимости. Но они и мои бывшие одноклассницы, так что и повода не позвать – тоже.

– Привет, – мимоходом кивают они мне и тут же, уже втроём, начинают активно обсуждать какую-то вечеринку. А я остаюсь лишней. Меня здесь словно нету.

Из разговора понимаю, что у ещё одной моей бывшей одноклассницы Янки Абрамовой уехали родители, и в её полном распоряжении остался двухэтажный дом, в котором, конечно же, было решено устроить тусу.

– Кстати, Тарасов тоже идёт, это уже прям точно!

– И что? Смирнова-то наверняка с ним прилепится! Фигово другое – Абрамова уже позвала Фёдорова, и он обещал прийти! – Говоря это, девчонка вдруг поправляет пальцем несуществующие очки на переносице: – Большое спасибо за приглашение, – специально добавляет голосу гнусавости, максимально утрируя манеру одноклассника, – я всенепременно буду рад засвидетельствовать вам своё почтение!

– Бли-и-ин… – сразу же кривятся остальные. – Ну вот нафига он там нужен? Опять будет душнить!

– Нафиг он вообще Абрамой сдался?

– А ты, типа, не знаешь? Или думаешь, она сама алгебру на пятак тянет? Не, ну так не интересно. Будет там слоняться, от скуки лезть куда не надо, а если, не дай бог, обнаружит, в ассортименте не только лимонад, так точно стуканёт или бабке своей, или сразу Янкиной матери!

– Блин… Точняк. Ну и смысл идти тогда вообще?

И вот ту-то Женька неожиданно вспоминает обо мне.

– Кстати, Ник, а ты что сегодня вечером делаешь? Может, пошли с нами? Янка точно не будет против, ты же её знаешь!

Я смотрю на неё, не веря своим ушам, потом на затаивших в ожидании ответа дыхание девчонок. И снова на Женьку. Вот так, значит, да? Побыть нянькой для Фёдорова, пока вы развлекаетесь? Ну спасибо, подруга.

– Нет, я не смогу.

– Да ладно тебе, Никусь, ну подумаешь, сходишь, развлечёшься! Ну один раз!

– Нет, – твёрдо повторяю я и, поднявшись, забираю со стола свой поднос. – У меня учёбы много, и так ничего не успеваю.

Уходя, слышу за спиной язвительное «фе-фе-фе», представляю при этом рожу передразнивающей девчонки. Да и плевать на неё, я с ней особо-то никогда и не общалась. Но вот приглушённое: «Ну и вали! Нашлась, блин, профессорша…» – сказанное Женькой заставляет споткнуться на ровном месте. Замираю на мгновенье… но беру себя в руки иду дальше.

Я и раньше видела, как шушукаются за моей спиной, почти всегда точно знала, кто именно распускает сплетни и относилась к их нападкам с философским спокойствием. Но уж никак не ожидала, что однажды к ним примкнёт и Женька. И это оказалось неожиданно больно.

Во время предпоследнего урока на экране телефона беззвучно всплывает уведомление о личном сообщении в соцсети. Полного текста я не вижу, только начальные «Здравствуйте, Вероника! Это…» и отправителя – Трошин Павел Геннадьевич. Цокаю, подкатив глаза, и поспешно убираю телефон в сумку. Прям хоть профиль закрывай, честное слово! Хотя, какой смысл, если сама же этого Трошина к себе в друзья и добавила… когда был нужен.

Глава 3

Сегодня было всего семь уроков, но домой я прихожу уставшая, словно на мне пахали. Даже есть не могу, несмотря на голод, только принимаю душ и так и сижу потом на кухне в одном нижнем белье, тупо пялясь в пространство. Наконец навожу кружку ядрёного кофе, зацепляю пару печенек и отправляюсь в зал, учиться. Мне ж теперь не просто на золото закончить надо, но и в МГУ поступить. Хоть тресни.

Нет, так-то я и в самом деле планировала пробоваться и в МГУ в том числе, но… Одно дело «в том числе», и другое «зуб даю, поступлю именно туда» Язык мой – враг мой, и теперь публичная клятва словно повисла надо мной Дамокловым мечом… вызывая острейший приступ прокрастинации. Хочется заниматься чем угодно, только не делом.

Увлечённая трескотня ютьюбовского лектора проходит сквозь мой мозг не задерживаясь, как и смысл пометок, которые я машинально делаю в тетради, а в голове в это время словно слайды меняются картинки:

Вот я впервые встречаю Артёма – сначала в фойе главного корпуса, а чуть позже в столовке. И, в кои-то веки решив быть взрослой и смелой, импульсивно подсаживаюсь к нему за столик.

– Привет, я Ника, будущий Нобелевский лауреат в области микробиологии! А ты?

Он, судя по всему, так сильно впечатлён этим идиотизмом, что пару секунд просто смотрит на меня обалдело и лишь потом, словно очнувшись, жмёт протянутую руку:

– Привет! Артём, айтишник.

– Просто айтишник? Как-то скромненько, – хихикаю я, а у самой голова кружится от волнения и пресловутые бабочки в животе.

– Ну почему просто? – улыбается он. – Айтишник, который знаком с целым будущим Нобелиантом по микробиологии!

Следующий раз мы встречаемся уже в огромном лектории, где происходит первый «Круглый научный стол» смены и знакомство с преподами, и где я узнаю вдруг, что Артём – один из них. В тот момент я решаю, что IT[4] – это то, что мне непременно нужно и легкомысленно записываюсь на факультатив прикладной информатики.

Потом первое занятие, все студенты пришли потому, что IT – это их вузовский профиль, и они чувствуют себя в нём как рыбы в воде, и только я – самозванка с девятью классами образования, тупо заучившая учебник по информатике чтобы пройти промежуточную аттестацию за десятый на интенсиве. Артём сразу раскусывает мой уровень, но умудряется преподнести это профанство как преимущество тяги к разностороннему развитию и даже вызвать одобрительный гул среди студентов. От чего бабочки в моём животе снова пускаются в пляс.

Потом лекции в которых я почти ничего не понимаю, и поэтому Артём уделяет мне дополнительный час личного времени после каждого урока. Только он, я, и пустая, тихая аудитория…

А потом мы идём через весь парк до жилых корпусов, и теперь уже я рассказываю ему про травки-цветочки, жучков-паучков и всякий там микробиом. И как-то так получается, что эти беседы непременно заводят нас то к дальнему пруду с утками и выдрами, то в зону повышенного гнездования пернатых, то к реликтовым мхам в малопроходимой, совсем уж дремучей части парка…

---

[4] IT (Information Technology (англ.) – Сфера информационных технологий – отрасль экономики, которая, используя современные достижения в области компьютерной техники и новейшие средства коммуникации, осуществляет сбор, хранение и передачу информации)

Словом, после его лекций я ни разу не появляюсь в общежитии вовремя, каждый раз задерживаясь на час-полтора, но при этом у меня есть полное ощущение, что я нахожусь вне времени и пространства, словно реальность сплющивается вдруг в противоположных полюсах – время тянется и мучительно медленно, и в то же время безумно быстро. А сама я словно потерявшая полярность частица, которую швыряет от плюса к минусу, и она уже не понимает, что с ней происходит, лишь одно зная совершенно точно: с нею такое впервые, и это впервые – прекрасно!

Однако, помимо душевных прогулок, есть ещё и дикая, выворачивающая наизнанку ревность к другим студенткам, которые вьются вокруг Артёма, словно осы над арбузом, в плане флирта ведя себя куда более умело чем я.

Один раз, увидев, как он мило щебечет с брюнеткой, которая на нём практически виснет, я, психанув, решаю больше не ходить на его факультатив. Всё, баста! Не за этим я здесь!

…Меня хватает ровно на два занятия – почти учебную неделю истинного мучения, когда я, не выдержав, всё-таки иду на лекцию… и по пути встречаю Артёма, который как раз идёт узнавать, куда я запропастилась.

И снова индивидуальные занятия, прогулки и увлекательные беседы. С ним даже просто молчать, неспешно бредя по парку, куда интереснее, чем лекции по профилю, ради которых я сюда, собственно, и приехала! А уж когда мы, случайно ли или намеренно, соприкасаемся локтями или голова к голове склоняемся над каким-нибудь грибочком…

Словом, я выпала из студенческой жизни так в неё и не впав – за весь сентябрь не успев ни знакомств толком завязать, ни подписаться на внеучебные активности. Я просто с первых же дней смены безнадёжно пропадаю в своём преподе… и с каждым днём с замирающим сердцем нахожу всё больше признаков того, что и он постепенно пропадает во мне.

А потом между нами случается двадцать восьмое сентября. Студенческая дискотека до полуночи, сказочная дорога через ночной парк в великоватой мне по размеру, но такой уютной куртке Артёма, пустая, ещё без моих припозднившихся соседок комната в общежитии, и…

Понимаю вдруг, что забыла дышать и прихожу в себя. За окном уже почти стемнело, комната утопает в густых сумерках, разбавляемых лишь сиянием монитора моего ноута. Импульсивно хватаю с сушилки рубашку Артёма, прижимаю к лицу, пытаясь за ароматом порошковых «альпийских лугов» уловить нотки ЕГО запаха.

Ну как же так, ну почему всё ТАК? Ну это же не честно!

Сама не понимаю как рубашка вдруг оказывается на мне. Ткань приятно льнёт к полунагому телу, и я обнимаю себя руками, воскрешая в памяти тот счастливый сентябрь. И мне, как ни странно, становится вдруг спокойнее, и даже как будто бы силы появляются.

Возвращаюсь к ноуту, мотаю лекцию на начало и погружаюсь в просмотр – так глубоко и с увлечением, что даже не реагирую на хлопок входной двери. И лишь когда в коридоре включается свет, и я слышу вдруг сразу два голоса – Машки и Артёма…

Маленькие пуговицы, как назло, не поддаются, и я суетливо стягиваю рубашку через голову, но нелепо застреваю в застёгнутых манжетах! И только теперь понимаю вдруг, что, ко всему прочему, ещё и остаюсь в одном лифчике и трусах… И начинаю судорожно одеваться обратно.

В итоге, когда на пороге появляются Машка с Артёмом, я сижу в его рубашке и с неестественно прямой спиной осатанело щёлкаю мышкой, делая вид, что капец, как занята.

– О, привет, – удивляется сестра, – а ты чего без света, я думала тебя дома… – и, щёлкнув выключателем, наконец замолкает.

Повисает такая красноречивая пауза, что мне хочется испариться или хотя бы провалиться этажом ниже.

– Я пойду руки помою, – нарушает тишину Артём.

Он исчезает, и на короткое мгновение мне становится легче, но тут же вспоминается целая коллекция моих трусиков на сушилке в ванной, среди которых и любимые застиранные повседневки в дурацких слониках и с размахрившейся кружевной резинкой…

– Стой! – взвизгиваю я и бросаюсь следом за Артёмом, но Машка властно перекрывает проход рукой и, окинув меня тяжёлым взглядом, указывает подбородком на спальню:

– Ну-ка, дорогуля, на пару ласковых…

Плотно прикрывает за нами дверь, прежде чем гневно зашипеть:

– Ну и как это понимать?!

– Хороший вопрос! – Меня всё ещё потряхивает, но нападение, как известно, лучшая защита, поэтому я аж на цыпочки привстаю: – Ты с ума сошла? Почему не предупредила, что притащишь его? Ты, типа, не знала, что я могу быть неожиданно полуголая?

Она знает, для нас рассекать в одном нижнем – нормальная домашняя обстановка, поэтому немного сбавляет тон:

– Ник, ну ты же могла просто крикнуть, чтобы мы не входили, или обязательно было этот цирк устраивать?

Открываю рот, чтобы огрызнуться… но лишь глупо захлопываю. Сказать нечего. Я действительно дура, что не сделала именно так. Просто настолько перепугалась, что мозг отшибло. Что ж, крыть нечем, поэтому сцепляю руки на груди и включаю обиженку:

– Подумаешь, рубашку взяла, прям трагедия! Следующий раз вообще голой останусь, поняла? Поэтому, если не хочешь, чтобы твой дорогуля заценил мои формы, будь добра, предупреждай, когда решишь притащить его сюда снова! Устроила тут проходной двор! Мне, между прочим, тишина нужна, чтобы нормально заниматься!

Когда Машка собирается ответить что-то не менее едкое, мы обе слышим, как Артём выходит из ванной, и сестра тут же снова понижает голос до шёпота:

– Хорошо, предупреждаю: отныне он может появиться здесь в любой момент, потому что у него теперь есть свой ключ. Так что впредь, изволь, пожалуйста, ходить одетой! Причём, одетой в свои вещи!

– Ключ?! Да с какой стати? Может, ты ещё и ночевать его сюда притащишь?

– А вот это тебя точно не касается.

– Да ты что! А ничего, что я тоже здесь живу?

– Ну и живи, кто не даёт? Забирай себе эту комнату и хоть на голове тут стой, но, когда будешь выходить на общую территорию, веди себя как нормальная!

– Общую территорию? – Ушам своим не верю. Буквально задыхаюсь от возмущения, но перейти на полный голос не могу при всём желании. – Маш, это у тебя от гормонов временное помутнение или реально крыша поехала? Ты себя слышишь, вообще?

– Крыша от гормонов поехала у тебя, Ника, но оно и понятно, тебе по возрасту положено. А я всего лишь призываю тебя повзрослеть. Хоть немножко! – Она тычет мне в нос сложенными в щепоть пальцами и, дофига довольная собой, уходит, а я так и остаюсь с отвисшей челюстью.

Нет, поговорить на повышенных мы с ней и раньше практиковали, для нас это своего рода «игра с коготками», когда мы полушутя и совершенно неосознанно отрабатывали друг на друге приёмы «взрослой» стервозности, но то, что произошло сейчас…

Сижу, тупо пялясь в пространство перед собой, и не понимаю, как теперь себя вести. Как «нормальная»? То есть, как Машка скажет? Да с какой стати?! Она мне кто, мать что ли? Хозяйка? Барыня-государыня?

Потом слышу приглушённый стенами голос Артёма, и вспоминаю про свои труселя в ванной. Морщусь, сжимая кулаки и поджимая пальцы на ногах. Блин, блин, блин! Позорище-то какое! И ладно бы там какой-нибудь Костик или Игорёк из бывших, да даже этот Саня из комобра, но Артём… Блин!

Осторожно открываю дверь, прислушиваюсь. Сладкая парочка на кухне, Машка хихикает, как будто ничего не случилось. Как будто она тут хозяйка положения. Овца, блин!

Крадучись проникаю в тёмную ванную, наощупь собираю с сушилки своё бельё и сбегаю обратно в спальню. Снова сижу взаперти, хотя и понимаю, что это, во-первых, глупо, а во-вторых – с какого, спрашивается, хрена?!

Но заставить себя выйти не могу. Стыдно.

Так проходит ещё с полчаса. Парочка на кухне словно забыла о моём существовании. Интересно, что Машка ему сказала? И что он сам обо всём этом думает?

Что-что… Что я застрявшая в пубертате дура, которая фетиширует его личные вещи. Блин…

Между тем в комнату начинает проникать аромат жареной колбасы, настолько чарующий, что урчание моего желудка почти заглушает приступы стыда. Да в конце-то концов, я что, виновата, что они припёрлись без предупреждения?!

В знак протеста переодеваюсь в демонстративные мини-шорты и легкомысленный топик и, взбив волосы в фривольный пучок на самой макушке, заявляюсь на кухню. Делая вид, что не замечаю сладкую парочку, расхлябанной походкой прохожу к плите, поднимаю крышку со сковороды… А там пусто! То есть, эта овца вот так показательно ставит меня на место, или что?

– Ты же вроде не ешь после шести? – ехидно, прямо на ходу выдумывает Машка. – Эти твои детские дурости про девяносто-шестьдесят-девяносто?

– Ты снова всё перепутала, – вынимая из холодильника палку полукопчёной, майонез и вообще всё подряд, язвлю я в ответ, – это ты у нас не ешь после шести, потому что, хочешь не хочешь, а пора уже следить за собой. К тому же, в ресторанной доставке нет яичницы с колбасой, а делать самой, это же… У-у-у!

Многозначительно умолкнув, сооружаю себе чудовищно-гигантский бутер. Наливаю чай, сажусь за стол.

– Ну понятно, – глянув на бутерброд, наигранно вздыхает Машка. – Сначала всё подряд, а потом снова рвоту вызывать. И когда ты уже повзрослеешь?

У меня аж челюсть замыкает. Вот овца! С трудом докусываю начатое, жую, параллельно придумывая, чего бы такого зарядить в обратку. Машка же остервенело расчленяет яичницу ножом и вилкой и упорно игнорирует мой фривольный наряд. Но я-то чувствую, что её буквально раздирает от злости!

А между нами сидит явно смущённый происходящим Артём. И тяжёлая, такая, гнетущая пауза…

– Чуть не забыл! – излишне радостно оживляется вдруг наш с Машкой общий «друг». – Ника, на меня сегодня Трошин вышел, про тебя, спрашивал.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Трошин, это тот профессор с севера, который помог тебе с лагерем? – хватается за возможность сменить тему Машка. А может и лишний раз уколоть.

– Ничего он мне не помогал! Я сама все конкурсные проходила!

– Да? Странно. А прошлой весной ты говорила, что если бы не он…

– У меня просто не было всей картины.

– Да-да, и поэтому ты говорила, что, если что, всегда можешь поступить в Нижневартовский универ.

– Я буду поступать только в МГУ!

– Да ради бога! Поступать ты можешь куда хочешь, но вот куда в итоге возьмут, это другой вопрос. Скажи же, Артём? Кстати, а почему он её через тебя искал? Где взаимосвязь?

– Ну, я думаю потому, что у нас с ним могут быть общие знакомые в Нижне…

– Да причём тут Нижневартовск, вообще? – перебиваю я. – Просто я этого Трошина игнорю в соцсети, вот он и решил через лагерь зайти, а любой тамошний препод, как, впрочем,

и студент, наверняка скажет, что проще всего меня найти именно через Артёма… Анатольевича! – Смотрим с Машкой друг на друга, и, кажется, воздух искрит. И мне бы вот прямо сейчас остановиться… но меня несёт, и я лишь с победной многозначительностью дёргаю бровями: – Объяснить почему, или всё-таки сама догадаешься?

Сестра ещё пару мгновений смотрит, а потом молча встаёт и уходит в комнату. Артём бросает на меня осуждающий взгляд и спешит за ней. А я остаюсь одна – с этим своим гигантским едва надкушенным бутером, злой завистью… и чувством вины.

Хочется пойти и извиниться, объясниться… но что-то не даёт. И я не понимаю, что со мной происходит, просто чувствую себя внезапно настолько лишней и одинокой во всём этом грёбанном мире, что хочется плакать.

И слеза действительно срывается, но я тут же её утираю и решительно берусь за телефон.

– Аллё, Жень? Привет! Слушай, насчёт сегодняшней вечеринки… Я в принципе могу, да. Куда подъехать?

Глава 4

Частный сектор, двухэтажный коттедж с увешанной фонариками ёлкой у входа. Вечеринка уже в разгаре, народу довольно много. Из тех, кого я знаю – человек шесть моих бывших одноклассников, ещё несколько из бывшего параллельного и мой нынешний одноклассничек, общепризнанный красавчик Тарасов. И он, кстати, вопреки ожиданиям девчонок, без Смирновой.

Моя роль мне ясна изначально – отвлекать Фёдорова, чтобы не путался под ногами, пока остальные идут вразнос. Не сказать бы, что участь интересная, но я, в отличие от многих, всегда относилась к Владу спокойно. Ну да, нудноватый ботан и при этом душноватый морализатор, да слегка оторванный от современности и безнадёжно опаздывающий с пубертатом длинный, тонкий, усыпанный красными угрями тип, которого с малолетства воспитывает бабушка… Но зато с ним можно поговорить на отвлечённые темы: про космические чёрные дыры, про динозавров, про технологии будущего и конечно про его любимые математику с физикой. Фёдоров готов вещать обо всём этом бесконечно, подробно и увлечённо, поэтому собеседнику всего лишь нужно включить выражение заинтересованности на лице и провалиться в медитативный Дзен.

В первый час я даже неожиданно заинтересовываюсь теорией квантовых скачков реальности. Оказывается, мы в каждый момент времени находимся одновременно в прошлом, настоящем и будущем, а поэтому, теоретически, в каждый же момент времени имеем и возможность влиять на ход событий в эти периоды, что, в свою очередь, раскрывает безграничные возможности…

– …или врут?

Я вдруг понимаю, что, замечтавшись о возможности вернуться в своё двадцать восьмое сентября и кое-что там скорректировать, давно уже вывалилась из прослушивания Фёдорова.

Важный момент – Владу нельзя показывать, что ты его не слушала, а лишь просто кивала. Для него это самое жестокое оскорбление. И хотя мне особо-то нет дела до его душевных тараканов, а всё-таки и обижать человека ни за что тоже нехорошо.

Нейтрально улыбаюсь и жму плечами, делая вид, что просто не хочу отвечать на вопрос. Протягиваю стакан:

– Принесёшь ещё тоника?

Он смотрит на меня с подозрением, но послушно уходит и возвращается с парой полных стаканов.

– Нет, если не хочешь, можешь, конечно, не отвечать, – явно продолжает он прерванный монолог, – но тогда знай, что именно этот твой уход от ответа и даёт мне основания полагать, что они не врут.

Мило улыбаюсь и тяну тоник. А что мне ещё остаётся-то?

– И, если хочешь знать моё мнение, то я считаю, что стесняться здесь нечего. Просто раз уж дала зарок – придётся его выполнить, а иначе энергетическая дыра в карме обеспечена. А это, знаешь, такое… – С умным видом вертит растопыренной пятернёй. – Проще действительно в МГУ поступить, чем карму выправить потом.

Я чуть не давлюсь, на что Фёдоров деловито стучит мне по спине и спешит успокоить:

– Но если ты, например, не веришь в карму, то на тебя и не подействует. Это же тоже квантовые смещения – существует лишь то, что чему лично ты позволяешь существовать в своей реальности!

И умолкает, пытаясь, видимо, за один подход всосать сразу весь стакан тоника, а я понимаю, что всё. У меня передоз Фёдоровым. Оборачиваюсь, пытаюсь выцепить взглядом кого-

нибудь знакомого, чтобы оперативно слинять, а Влад хрюкает, наконец, трубочкой по опустевшему дну стакана, и подытоживает:

– Так что, если ты не веришь в карму, то можешь и не бояться дыры в ней. И тогда тебе останется лишь обычный светский позор лжеца.

Всё-таки попёрхиваюсь, да так, что аж газировка через нос брызжет, и воспользовавшись этим как предлогом, сбегаю в туалет. Отсиживаюсь там дольше необходимого, но всё равно боюсь, что Фёдоров будет караулить меня прямо под дверью.

Однако опасения оказываются напрасными, и кроме парочки недовольных ожиданием девчонок, в коридоре никого нет. Но едва я захожу в зал, как на талию опускается рука:

– Скучаешь?

Оборачиваюсь и, честно сказать, даже слегка вздрагиваю, ибо клинья подбивает сам Тарасов! И ладно бы это был просто он, мне пофиг, на меня его чары никогда не действовали, но вот проблемы в виде Смирновой, с которой мы теперь, так-то, тоже одноклассницы – вот это мне вообще не нужно! Кто не знает эпичных сцен, разыгрывавшихся между этой парочкой прямо в стенах школы? За Смирновой давно тянется недобрая слава ревнивой истерички и испытывать её на себе мне хочется меньше всего!

– Нет, я тут не одна вообще-то, – скидываю его ладонь, краем глаза замечая устремлённые на нас любопытные взгляды бывших одноклассниц.

– Если ты про своего лопуха, то он вон, Никитоса лечит!

Смотрю в указанном направлении и действительно вижу Фёдорова, увлечённо присевшего на уши Тарасовскому дружку.

– Так что, что ты что пьёшь? Я принесу, – снова кладёт ладонь мне на талию Тарасов, и я не знаю на кой я ему сдалась, но понимаю, что по-нормальному уже не отстанет.

– Тоник грейпфрутовый, если не кончился, конечно. А если кончился, то ничего не надо.

– Для тебя найду! – подмигивает Тарасов и скрывается, а я добровольно-принудительно спешу вернуться к Фёдорову.

Однако ему не до меня – видимо Никитос получил чёткое указание «отвлечь лопуха», а учитывая, что для этого достаточно просто проявить интерес к его словесному потоку, то…

Появляется Тарасов, протягивает стакан. Я обречённо принимаю и, надеясь заполнить дурацкую паузу, отпиваю сразу добрую половину… прежде чем понимаю, что с этим тоником что-то не так.

– Он что, с водкой?!

– Помилуйте, королева, – самодовольно блещет эрудицией Тарасов, – разве я позволил бы себе налить даме водки?[5]

И не успеваю я ужаснуться тому, что мне подмешали спирта, как Тарасов блещет ещё и юмором:

– Это чистый джин! Ну ладно, ладно, не чистяк, но зато с грейпфрутовым тоником, всё как ты просила, королева! Да ладно тебе, там грамулька, буквально для запаха. Не понравится, больше не буду добавлять. Но этот до дна! – Настойчиво поджимает дно бокала рукой. – За здоровье голодающих детишек в Африке.

Я вынужденно допиваю, а Фёдоров, глядя на это с какой-то маниакальной смесью осуждения и интереса, аж рот приоткрыл, выдаёт вдруг:

– Должен сказать, что чем пить за здоровье голодающих алкоголь, гораздо эффективнее было бы перевести потраченные деньги в фонд Международного Красного Креста.

– А вот это, кстати, очень интересно! – перемигнувшись с Тарасовым, обнимает его за плечи и подталкивает к выходу Никитос. – Расскажи, а то я так-то слышал про этот крест, а чё к чему…

---

[5] Широко известная цитата из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

– Влад! – жалобно пищу я им вслед, но увлечённый новой темой Фёдоров меня уже просто не слышит.

– Пойдём, потанцуем? – склоняется к уху Тарасов. Я упираюсь, но он настойчиво тянет меня в центр зала. – Да ладно, съем я тебя что ли? Расслабься.

В итоге мы, как дураки, топчемся под музыку на одном месте, и мне, с одной стороны жутко неловко, а с другой…

Он высокий и дерзкий. Его руки свободно лежат у меня на талии, иногда будто случайно сползая ниже, но тут же возвращаясь обратно, словно подтверждая, что опасаться мне действительно нечего. Тёплое дыхание щекочет висок, а наглый, изучающий взгляд на лице приятно будоражит кровь.

Я сказала приятно? Блин…

Жмурюсь, пытаясь прийти в себя, но мне действительно неожиданно приятно. И внимание этого долбанного Тарасова, и завистливые взгляды девчонок, и даже мягкое головокружение от коктейля.

Когда медляк заканчивается, в моей руке словно сам собою появляется новый стакан.

– Опять подмешал чего-нибудь? – подозрительно щурюсь я… но не отказываюсь.

…А когда ко мне, непонятно сколько времени спустя, подходит вдруг Фёдоров и сообщает, что уезжает домой, потому что обещал бабушке вернуться не позже девяти, и настойчиво предлагает поехать с ним, я начинаю смеяться.

Я? С Фёдоровым? Что за дебильные, блин, фантазии? Да с чего он вообще взял что я… Я? С ним? Куда, к нему что ли? Да как ему в голову…

Давай, давай, ехай, Федя! Не то бабушка заругает!

…Всё как-то странно, обрывками. То весело до уссачки, то наоборот, хочется рыдать. Что я, собственно, периодически и делаю. Самопроизвольно. Зато девчонки такие кла-а-ассные! Женьку вообще обожаю! Да и остальных тоже, а то, что сплетни распускали – да я вообще не в обидках! Девчонки, блин, дайте я вас обниму, вы такие классные!

Они смеются, я тоже смеюсь. Весело же! Все отдыхаем, у всех всё хорошо. А у меня вообще лучше всех!

…В смысле мне пора домой? Эй, я хочу ещё тоника! Аллё-ё-ё! С этим… джином и льдом, пжалуста!..

Однако Тарасов настойчиво подталкивает меня к выходу, и я доверяюсь его наглым рукам, чувствуя себя в них… желанной? Ну… Типа того. Но когда он садится за руль, мне, несмотря на кашу в голове, хватает ума возмутиться:

– Э, в смысле? – неуклюже пытаюсь я выбраться из салона. – Я не поеду с тобой, ты пил!

А Тарасов смеётся и уталкивает меня обратно на заднее пассажирское:

– Да, но в отличие от тебя только чистый тоник! Ну правда, Крылова, уймись уже! Просто домой тебя отвезу, пока ты тут где-нибудь не вырубилась.

Есть какое-то смутное ощущение подвоха, может в заговорщическом взгляде провожающего нас Никитоса, или просто я помню, как Тарасов мешал коктейли и себе… Или не помню? Ой, бли-и-ин… Я уже и не помню – помню или не помню… Как же всё кружится…

Едва трогаемся, как я тут же проваливаюсь в блаженно колышущуюся невесомость… из которой меня вдруг выдёргивает прикосновение чего-то холодного. Трепыхаюсь, пытаясь сообразить, что происходит, но вокруг темно и лишь захлёбывающийся нетерпением шёпот Тарасова над ухом:

– Чш-ш, королева моя, это я… твой верный паж… Всё хорошо, просто мы с тобой сейчас… Так, блин, как это у тебя тут расстёгивается вообще? – его ледяные руки шарят по моей груди, не просто под курткой, но и прямо под кофтой. – Приподнимись, слышь? Неудобно так…

Глава 5

Когда я наконец понимаю, что надоедливое «тюк-тюк-тюк» прямо по мозгам – это мой будильник, тут же подскакиваю как ужаленная. А зря. Голова начинает противно пульсировать, к горлу подкатывает мучительная тошнота. Кошмар какой-то! Ни разу у меня такого ещё не бывало. Но самое ужасное – я не помню, как оказалась дома. Вообще.

На стуле возле кровати стакан, таблетка и записка. Кидаю аспирин в воду, и пока он шипит, растворяясь, читаю: «Побудь сегодня дома. И можешь хоть голая ходить, Артём всё равно не придёт»

Смотрю на время – ну, блин, замечательно, первый урок в пролёте!

С трудом поднимаюсь, ползу умываться. Дома я сегодня побыть не могу, потому что химия, а её пропускать нельзя, даже если приспичит умирать.

Буквально заставляю себя хоть что-то съесть, параллельно изводясь попытками вспомнить финал вчерашнего вечера. Бесполезно. И от этого меня раздирает жуткое ощущение беспомощности пополам с презрением к себе. Как я вообще до этого опустилась? Какого чёрта, зачем?!

Постепенно возникает ощущение, что в провалах памяти есть что-то связанное с Тарасовым, что-то, чего я хотя и не помню, но отчего становится жутко стыдно даже на подсознательном уровне.

Ну нет, только не это. Ну пожалуйста!

И всё-таки, как я оказалась дома? И почему ещё жива, если Машка явно в курсе моего состояния?

Пока иду к школе, морозный воздух немного приводит в чувство, но едва захожу в помещение, как тут же становится душно, и в голове словно снова включаются маленькие молоточки: тюк-тюк-тюк – прямо по мозгам!

Господи, да чтобы я, да ещё хоть раз, хоть глоток! От одной только мысли об этом накатывает тошнота и адское чувство вины.

– Здрасти, Ольга Николаевна, – прячу взгляд от идущей навстречу физички, но мне почему-то кажется, что она смотрит на меня с пристальным вниманием и осуждением. Аж между лопаток чешется от этого взгляда.

Воровато оборачиваюсь… Но нет, Ольга Николаевна идёт себе дальше и до меня ей нет дела.

– Здрасти, Иван Петрович… Здрасти, Нина Ивановна…

Забегаю в туалет, прижимаюсь лбом к кафелю. Кошмар какой-то, почему их всех приспичило ходить именно сейчас и именно здесь?

– О, Крылова! – раздаётся вдруг за спиной. – Живая ещё?

Я оборачиваюсь, там Абрамова, хозяйка вчерашней попой… вечеринки и Катька – одна из гостий. Причём, свеженькие такие, как ни в чём не бывало.

– Привет, девчат. Есть жвачка?

Янка протягивает мне пару подушечек и, привалившись к стене, наблюдает, как я тру мокрыми ладонями лицо.

– Что? – не выдерживаю я.

– Да ничё, просто пытаюсь запомнить тебя такой.

– Какой?

– Живой! – смеётся Катька, Янка подхватывает. В целом это звучит беззлобно, им скорее забавно. А вот мне – нет.

Набираюсь смелости. Нет, так-то можно, конечно, и отдаться на волю амнезии, как там Фёдоров говорил – если в твоей личной реальности чего-то нет, значит этого и вообще не

существует… Но я-то знаю, что это не так работает! В настоящей реальности всё с точностью до наоборот – ты можешь быть вообще не в курсе что над тобой сгущается инферно долбанной катастрофы, а часики уже тикают обратный отсчёт. И чем дольше ты не в теме, тем меньше шансов разрулить по-хорошему.

– Девчат… что там вчера вообще было?

Они переглядываются, Янка заинтересованно подаётся вперёд:

– Серьёзно? Нет, реально не помнишь?

– Ого, Крылова, – таращит глаза Катька, – да ты же с Фёдоровым целовалась! Взасос! Вся тусовка видела!

Они с хохотом скрываются в кабинках, а я тупо смотрю на себя в зеркало и понимаю, что это какая-то лажа. Фёдоров? Да ну нафиг, просто не может этого быть! Это просто не бьётся, как не бьётся пять на три без остатка. Нет в этом ни логики, ни внутреннего ощущения правды.

– А если серьёзно? – снова пытаюсь я.

– А если серьёзно, – отвечает из кабинки Янка, – то лучше не попадайся на глаза Смирновой. – Выходит, споласкивает руки, подкрашивает губы. – Нет, мои-то гости не сольют, не переживай, но вот сам Тарасов…

– А что Тарасов? – холодею я.

– Ну ты же не думаешь, что он с тобой серьёзно? Ему просто Аньку позлить надо было, поэтому он без неё и припёрся вчера. А она сделала вид что ей пофиг, и не поехала за ним. А он сделал вид, что ему тоже пофиг и подцепил тебя. Врубаешься теперь?

Звенит звонок и девчонки спешат из туалета, но на выходе Катька оборачивается:

– Это тебе, Крылова, не учебники зубрить. Это жизнь, тут понимать надо!

На урок я опаздываю добрых минут на пятнадцать. Нет, я не боюсь истерик Смирновой, но по-прежнему не помню, что там с Тарасовым и не знаю, как себя вести. Поэтому просто стою в опустевшем коридоре и пытаюсь вспомнить… Ну болтали мы с ним, да. Ну даже потанцевали пару раз. Ну и всё, вроде.

Или нет?

– Вероника? А ты почему не на уроке? – окликает меня выглянувшая из соседнего кабинета историчка, и я поспешно скрываюсь в классе.

В итоге, Смирнова всё ещё явно находится в блаженном неведении, а Тарасов вообще отсутствует, и следующие два урока проходят в относительном, не считая назойливой головной боли, спокойствии.

А вот на пятом в класс неожиданно заявляется завуч. Вся какая-то взъерошенная, словно за ней собаки гнались, она сканирует парты злым взглядом и шипит:

– А Тарасов, голубчик, значит, даже не соизволил явиться? Ну ничего, ничего, далеко не убежит… – И вдруг переходит на крик: – А ты, Крылова, чего сидишь? К директору, быстро!

Возле директорской уже топчется вся наша вчерашняя честная компания, за исключением Фёдорова и, собственно, Тарасова. Все порядком напуганы, ибо состав присутствующих не оставляет сомнений в причине кипеша.

Запустив всю толпу в приёмную, за дверь к самой директрисе нас, однако, вызывают по одному. Что там происходит никто не знает, но лица выходящих полыхают алым кумачом и глаза опущены в пол. И что интересно – они не уходят, а остаются здесь же, в приёмной, но словно отдельной стайкой от тех, кто ещё не ходил на ковёр.

Я иду последней. При виде меня весь присутствующий административный состав – завуч, директриса и школьный психолог синхронно издают тяжкий вздох. В комнате душно и словно наэлектризовано. Мне хочется нервно сглотнуть, но сушняк, зараза.

Вот блин, а ведь ещё вчера я знала истинное значение этого состояния лишь по рассказам…

– Ну а с тобой-то что делать, Крылова? – первой нарушает звенящую тишину завуч.

Директриса бросает на неё раздражённый взгляд и зажимает виски пальцами.

– Елена Викторовна, Наталья Сергеевна, вы идите пока… Я сама поговорю с Вероникой. Если что, я вас вызову. И этих там, остальных, предупредите, чтобы помалкивали, иначе я им сама такую вписку устрою!

Но даже оставшись с директрисой наедине, мы молчим. Как будто не коллективную пьянку обсуждать собрались, а, как минимум, убийство!

За этой дурацкой мыслью неожиданно мелькает другая – а что, если я реально этого Тарасова вчера… Ну, это… Прибила?

Не выдерживаю, прыскаю со смеху. Тут же до смерти пугаюсь, аж ладони взмокают, но, вместо того чтобы прижухнуть, начинаю вдруг хрюкать ещё больше, пока, наконец, не складываюсь пополам от смеха. И не могу остановиться.

Никогда за все девять лет школы меня не вызывали к директору. Ни разу не отчитывали и даже просто не упрекали в ненадлежащем поведении. Наоборот, негласно ставили в пример и доверяли любые, даже самые ответственные мероприятия… И тут вдруг я на остаюсь «на сладенькое» в глобальной разборке. И это после того, как буквально вчера после уроков мы столкнулись с ней в гардеробе, и директриса, доверительно понизив голос сообщила: «Ника, у нас всё как договаривались. Теперь, главное, ты не подведи…»

Ох, бли-и-ин…

Всё-таки замолкаю, а глаза стремительно наполняются слезами. Как это всё вообще могло случиться со мной? Не понимаю. Какой-то дурной, позорный сон.

– Так, ладно, – тряхнув головой, поднимается из-за стола директриса, открывает окно на проветривание, – с тобой давай сразу к делу. Конкретно, по существу и, главное, правду – что там с Тарасовым?

Поднимаю на неё испуганный взгляд, а что ответить – не знаю.

– Ну? Говори, чего уж теперь. Вопрос, знаешь, ли, очень серьёзный. Даже серьёзнее, чем ты можешь себе представить. Ты и твоя сестра.

Ну всё. Теперь я вообще не знаю, что сказать. А директриса смотрит и ждёт.

– Ну? Говори, говори.

Жму плечами.

– Ничего. Нормально всё с… с Тарасовым.

– А с тобой?

Снова жму плечами.

– И со мной.

– Нормально значит? Хмм… А как понимать тогда визит твоей сестры сюда, к нам?

А я знаю? Для меня её визит вообще новость. Её обычно из офиса от звонка до звонка не выдернуть.

– Послушай, Вероника, – понижает голос директриса, – давай начистоту: то, что вы там все вчера напились, это отдельная тема и разбираться, соответственно, будет отдельно. А вот обвинение в изнасиловании – это серьёзно. И кроме ответственности самого Тарасова, если он, конечно, действительно это сделал, есть ещё и твоя ответственность в виде ложного обвинения, если ты, вдруг, что-то… напутала. Поэтому объясни мне, пожалуйста, ты, что там у вас вчера случилось, потому что Мария, как мне показалось, и сама толком ничего не знает, но настроена при этом весьма решительно. Решительно наломать дров, я бы сказала. А мне нужна правда.

У меня звёздочки перед глазами от ужаса и духоты. И «тюк-тюк-тюк» – молоточки по мозгам. Какое ещё изнасилование? Разве… Да нет. Ну нет, я… Разве я могла бы такое забыть? Или не почувствовать? Ну, с утра?..

А в голове между тем начинают мелькать какие-то воспоминания, но настолько зыбкие, что… Ночь, машина, фонари уличного освещения – мелькают и убаюкивают… И Тарасов. Да, там точно был Тарасов, но…

– Ну?! – повышает голос директриса. – Чего ты мне тут интригу разводишь? Нашла время и место. Было что-то или нет? Правду, Вероника. Покрывать никого не надо, но и наговаривать – тоже! Было или нет?

– Н… нет. Ничего такого.

И она словно этих слов и ждала, подлетела ко мне, словно спущенная пружина, вознесла руки над моей головой – то ли взывая к небесам, то ли в порыве придушить:

– Тогда какого рожна вы тут с твоей сестрицей устраиваете?! Это что вообще? Что за глупые угрозы или как это вообще назвать-то, я даже не знаю! Вы что, вообще не соображаете, что делаете? И ладно бы кто другой ещё, но вы! ВЫ! Вы, которые прямо сейчас у меня тут на птичьих правах находитесь! Исключительно благодаря моему к вам доверию и глубочайшему уважению к… к… – трясёт растопыренной ладонью, указывая куда-то в потолок, но я понимаю, что она имеет в виду Машкиного Саню. – Как это вообще, я не понимаю! И ладно бы действительно был повод, но вот так просто оболгать парня… Зачем, Крылова? Чего вы этим добиваетесь, я не пойму?!

Я молчу, она орёт. Нет, ну не то, чтобы орёт, так-то пытается говорить потише, аж хрипит придушенно, но от этого мне только ещё страшнее становится.

– В общем так, Крылова. Я когда в одиннадцатый класс без должного оформления тебя брала, я пошла тебе навстречу. Тебе бумажка за десятый класс для этого твоего лагеря нужна была, и я тебе её авансом выписала с одним лишь условием: что это нигде не всплывёт, и что ты в первом же полугодии этого года закроешь аттестацию за десятый класс, так?

Киваю, с ужасом понимая, что директриса сейчас в таком гневе, что вполне может просто отправить меня обратно в родной десятый – и это в лучшем случае. А в худшем – выпереть на хрен из школы с аттестатом за девятый, и всё. Формально будет права. Официально экстернат у меня ещё не оформлен, это планировалось сделать задним числом, после возвращения из лагеря. А поэтому и в одиннадцатом я сейчас как бы нелегитимно. Такие у них там, в комобре, схемы «для своих». И тем опаснее теперь моё положение, что Машка рассталась с Саней.

– Но ведь аттестация до конца декабря закрывается, – лепечу я. – У меня ещё три недели есть. Вы же сами вчера сказали, что у нас всё в силе. Но сама я давно готова, Анна Сергеевна! Хоть сегодня всё сдам, правда!

– Нет, вы посмотрите, готова она! – всплескивает руками директриса. – А как быть с тем, что ни одна живая душа узнать не должна была? Но теперь, мне, видите ли, пересказывают сплетни, что у Крыловой, якобы, крыша в комобре есть! Это как прикажешь понимать, а? Под монастырь меня подвести хотите? Да мне, если хочешь знать, безопаснее всего распрощаться с тобой прямо сейчас! Хочешь, в колледж иди, хочешь в другую школу поступай, хочешь на экстернат оформляйся, но, тоже, *в другую* школу! А мне ваши семейные странности вот уже где! – режет ладонью по шее.

– Анна Сергеевна, я не понимаю… – Опускаю глаза, голос перехватывает от морального прессинга и банального страха.

Если меня сейчас выпрут – это будет позор. И вообще любой расклад, кроме заранее обговорённого – позор. На потеху всяким там Каримовым, Грушко и прочим злопыхателям. Как там Фёдоров сказал: обычный светский позор лжеца? Вот-вот. Он самый. А ведь я, ну правда, ни в чём не виновата! Я ведь действительно могу сдать программу десятого класса хоть сегодня. Просто справка о его окончании мне нужна была ещё в минувшем июне, но это не было возможно чисто технически. Ну, в смысле… Легально.

– А вот я, Крылова, кажется, всё поняла! – сбавив тон, осуждающе качает головой директриса. – Сестра ведь твоя, насколько я знаю всё из тех же сплетен, больше не… не *подруга*? – Снова трясёт ладонью в потолок, намекая на Саню.

Я молчу, она кивает:

– Ну вот то-то же. Подстраховаться решили? За жабры меня взять, чтобы насчёт договорённостей не передумала? Да уже за одно это гнать вас отсюда в три шеи, а уж за то, что парня подставить решили – и вовсе! Ты думаешь, начнись следствие по изнасилованию, я себя прикрывать буду что ли? Ценой свободы Тарасова? Нет, Крылова, нет! Всё как есть расскажу – и про договорённости наши с вами, и откуда там, сверху, ветер дул – всё расскажу! Так что передай своей сестре, что игру она затеяла не просто глупую, но ещё и мерзкую! И мне теперь с вами не то, что дела иметь, а и просто видеть вас тошно!

Я всё так же прибито молчу, она ходит взад-вперёд по кабинету, сцепив на груди руки, и задумчиво потирая подбородок.

– В общем так, если вы мне парня голословно обвините, то и я молчать не буду, сделаю всё для того, чтобы тебя в нашем городе не только в другую школу или колледж, но даже в вечернюю не взяли бы! Так и пойдёшь у меня со своими высокими амбициями и девятью классами на все четыре стороны! Ну чего ты молчишь-то, Крылова?!

Жму плечами. У меня нет слов.

– Тогда иди, раз сказать нечего!

– …Куда?

– В класс, конечно, куда ещё! Со следующей недели будешь аттестовываться за десятый, но поблажек, сразу говорю, не жди! Наоборот, всех предупрежу, чтобы спрашивали с тебя по полной программе! Иди!

Спешу к выходу, но директриса окликает:

– И Марии своей позвони обязательно, чтобы даже не вздумала в полицию идти! А то грозилась тут… Грозилка! Какая была бестолочь несерьёзная, такая и осталась. Как будто мы вчера, а не двенадцать лет назад её выпустили.

Иду по коридору, а у самой ноги подгибаются и реально, до темноты в глазах, стреляет в виски. Что это, вообще было? Ну Машка, блин… Какое, нафиг, изнасилование?!

Хочется выскочить на улицу и рухнуть лицом в сугроб. И, в идеале, сейчас бы просто свалить домой… Но следующим уроком химия, а поэтому я беру себя в руки и иду через безлюдный гардероб к лестнице на второй этаж.

– Далеко собралась? – выходят мне наперерез две девчонки из вчерашней компании.

– Собираться-то она может куда хочет, – раздаётся за спиной голос, – но и у нас со стукачами разговор тоже короткий…

Резко разворачиваюсь и оказываюсь с нос к носу с Абрамовой, с той лишь разницей, что та на каблуках и из-за этого кажется почти на полголовы выше.

– Что, Крылова, не научила тебя сестрица коллектива держаться, придётся нам учить, как плохо от него отбиваться!

У меня в голове тысяча мыслей одновременно, но это не помогает понять, что происходит. Неужели жлобят, что директриса со мной лично и наедине говорила?

– Ян, я вообще не понимаю о чём речь. Какой коллектив, кто от него отбивался? Меня, если ты не заметила, вместе со всеми на ковёр вызвали.

– За идиотку меня держишь? Конечно тебя вызвали – чтобы стрелки отвести! Типа, ты ни при чём. Но больше-то некому!

– А ничего, что кроме меня, у тебя дома ещё человек восемь из нашей школы было?

– Ну они же не идиоты, чтобы самим на себя стучать!

– Ну так и я тоже не идиотка!

– А вот это, как раз, под вопросом, Крылова! У тебя, может, мозгов только на зубрёжку хватает, а дважды два из реальной жизни ты сложить уже не в состоянии. – Требовательно тянет руку: – Дай свой телефон!

– С чего вдруг?

– Дай сказала! Девчат, держите её…

– Чё за кипишь, а драки нет? – вклинивается вдруг голос со стороны, и я умудряюсь одновременно и вздохнуть от облегчения, и ещё больше напрячься… при виде Тарасова.

Он с вечной своей ухмылочкой и руками в карманах куртки вальяжно приближается к нам, и до меня долетает вдруг запах его, перемешанного с морозной свежестью, парфюма, а может освежителя для машины. Аромат буквально вонзается в мозг, заставляя пульсировать виски, нагоняя ощущение непонятной тревоги и…

– Вот ты обломщица, Крылова, слышь? Думал, покуролесим с тобой, тоси-боси, – наглый взгляд с поволокой, как бы намекая на что-то, через зеркало заднего вида. – Ты чё так надралась-то по итогу?

А меня колышет в мягкой истоме автомобильной качки, и весь мир кажется таким близким и доступным – потянись и достанешь что угодно, хоть взрослую независимость, хоть неземную любовь! И подумаешь, Артём. Пф-ф! Тоже, принц нашёлся. Да пошёл он… Да пошли они все! Как будто я и сама не знаю, что мне нужно…

– Крылова, ты спишь что ли?

Снова выныриваю из обволакивающей дрёмы.

– А?

– Бэ! Я говорю, думал покуролесим с тобой. Ну, там, тоси-боси…

– Дурак ты, Тарасов! Хотел бы куролесить – куролесил бы уже, а не бровями мне тут мигал…

Кусок воспоминания врывается в голову пулей, заставляя едва ли не вздрогнуть. Поднимаю испуганный взгляд на Антона, но он смотрит на Абрамову и мотает на пальце колечко брелока с ключами. И Янка пока не видит то, что вижу я – его щека расцарапана.

– Если эта овца не даст сейчас свой телефон, то будет и драка! – приосанивается Абрамова, кокетливо стреляет в Тарасова глазками. – Она нас вчера снимала, прикинь? И слила видос директрисе!

Антон на мгновенье зависает, и лицо его начинает вытягиваться.

– Что, реально слили? – Переводит взгляд на меня: – Ты?

– Нет конечно! Когда бы я это делала? И на хрена?

– Резонно. Слышь, Абрамова, – взгляд снова на неё, – на хрена бы она это делала, если и сама надралась, как падла?

– Ну так она себя и не снимала, ты что думаешь! Всех засветила, кроме себя.

– Пруфы есть?

– А то! У директрисы в ноуте. И, наверняка, у этой в телефоне. Если не удалила уже, конечно.

– Ну… Тоже резонно. Слышь, Крылова, просто покажи телефон.

– Идите вы знаете куда, – пячусь я, но упираюсь спиной в девчонок. Оговорочка «если не удалила уже» говорит сама за себя: при любом исходе виноватой останусь я. – Я ничего не снимала и никого не сливала. И если вы не отвалите, то я… Я…

Немая сцена, словно они все ждут что же «я», а я… Я не знаю, что «я». К директрисе точно уже не побегу.

– Иди сюда, – Антон вдруг увлекает меня в сторону, скрываясь от девчонок за ряды с одеждой. Смотрит в лицо так хмуро и внимательно, что я чувствую себя едва ли не на допросе в полиции. Вот уж не думала, что он так умеет. – Давай как на духу, твоя работа?

– Нет, – мотаю я головой, и вместе с мгновенно проснувшимися молоточками «тук-тук-тук» по мозгам, меня обдаёт очередной волной…

– Да блин, уймись ты уже, Крылова! – ржёт Тарасов, и, одной рукой держа руль, второй пытается утрамбовать меня обратно на заднее сиденье. – Потерпи, сейчас местечко потемнее будет, тогда.

Я тоже хохочу, но всё-таки перестаю пытаться обнять его прямо здесь и сейчас. Вся эта возня такая весёлая, что мне кажется, будто парю в каких-то радужных облаках. Не надо ни о чём думать, ни о чём переживать, ни на кого обижаться… Мне так хорошо и свободно, что хочется улететь! И я лечу, лечу… Но просыпаюсь вдруг от прикосновения холодных рук к груди:

– …Так, блин, как это у тебя тут расстёгивается вообще?.. Приподнимись, слышь? Неудобно так…

Эта очередная волна воспоминаний подкрепляется плотным знакомым ароматом от склонившегося сейчас надо мной Тарасова, и я словно ощущаю вдруг лицом тепло его шеи и колкость обветренных губ на своих щеках…

– Аллё, Вероник! – возвращает меня в реальность голос. – Тогда как ты объяснишь, что на видосе есть все, кроме тебя?

– Понятия не имею! Я и видоса-то самого не видела.

Тарасов ещё пару минут смотрит на меня пристально и кивает:

– Ладно, пошли!

Выволакивает обратно к девчонкам, ставит перед ними.

– Короче, отвалите, это не она.

– Да ладно! – вскидывается Абрамова, – а кто тогда?

– Не знаю. Но не она.

– Да с чего ты взял? Где доказательства?

Тарасов окидывает меня очередным хмурым взглядом и пожимает плечом:

– На доверии.

– Нормально… – возмущается кто-то из девчат, а Янка поджимает губы:

– Доверии? А ты, Антош, не попутал, случайно? Не боишься, что Смирнова о твоём «доверии» узнает? Из того же самого видоса, между прочим! Там и с тобой много интересного!

– Слышь, Абрамова, – угрожающе, подаётся он вперёд, – а может, это ты попутала? Или не…

– Так это чего тут за сборище? – перебивает его окрик уборщицы. – По карманам лазите? Какой класс? Ну-ка быстро к директору!

Мы бросаемся врассыпную, как тараканы – через все доступные щели. И как-то так получается, что к боковому выходу я добираюсь одновременно с Тарасовым. Едва не треснувшись лбами, замираем оба, и Антон галантно ведёт рукой:

– Только после вас, мадам!

– Благодарю, монсеньёр! – прыскаю я… Но тут же осекаюсь. Вся эта дурашливость снова вдруг до жути отчётливо напомнила то, с чего начался вчерашний капец. Финал, которого я, кстати, до сих пор не помню. – Антон, слушай… а что у нас вчера было, а? Я вообще не помню!

Он замирает на половине шага, зачем-то ведёт пальцами по расцарапанной щеке.

– Прикалываешься?

Мотаю головой. Тарасов длинно фыркает:

– Пф-ф-ф-ф-ф-ф-ф-ф… – словно в этом звуке сконцентрирована вся тщетность его бытия и наконец, раскинув руки, трагикомично лыбится: – Ничего особенного, просто, не считая поцарапанной рожи, ты заблевала мне салон. И вот я, как дурак, с раннего утра гоняю в поисках свободной мойки, не говоря уж о том, что на ночь пришлось оставить окно приоткрытым, и в салон намело снега.

Прибито опускаю голову, хочу провалиться. Стыдно, просто жуть!

– А… А как я тогда домой попала?

– А вот этого я не знаю. Когда ты начала орать, что я тебя насилую, я не нашёл ничего лучше, как выгрузить тебя на ближайшей остановке. Ты мне лучше скажи, ты что, вообще ни разу до этого не бухала?

– Нет.

– Пиз… В смысле – врёшь?

– Нет. Правда, ни разу.

Тарасов изумлённо хмыкает.

– Ну… ну молодец, чё. Уважаю, если честно. Видос точно не ты слила?

– Нет.

– Значит Фёдоров, шкура. Больше некому. Ладно, ты давай иди и не бойся этих куриц. Если снова наезжать будут, скажешь, успокою.

– Спасибо. Правда, спасибо, что поверил и… И вообще.

– Угу. Давай, покеда!

Он решительным шагом двигается прочь, а я смотрю ему вслед… и тут осеняет:

– Антон, а ты куда сейчас?

– К директору. Хочу глянуть на этот ваш видос. Надо же разобраться, кто крыса.

– Нет! – охаю я. – Не ходи!

Тарасов непонимающе замирает.

– В смысле? Она мне вообще-то обзвонилась уже с утра. Я думал, что-то случилось, а тут оказывается вон какие страсти! Да ты не ссы, Крылова, что она мне сделает-то, мне восемнадцать уже. Вне школы что хочу, то и творю!

– Не в этом дело. Там просто… Там…

Блин, ну вот как сказать?

– Ну?

– Понимаешь, там… В общем, директриса думает, что ты меня вчера изнасиловал.

Пока Тарасов сначала не понимает, а потом меняется в лице, я подлетаю к нему хватаю за локоть:

– Антон, это не я! Клянусь, сама я даже не помню, что было-то! И не понимаю, как так вышло, Антон…

– Ты… – до пунцового лица звереет он, – ты охренела, Крылова? Что значит, она думает, что я тебя изнасиловал? Ты чё?! Я в высшую следственную поступать буду, а кто меня к ней подпустит-то с таким обвинением, пусть даже снятым?

– Антон…

В кармане вдруг начинает вибрировать мобильник. Я выхватываю его – Машка. Ну надо же, как вовремя!

– Алло! – зло ору на весь этаж, а Тарасов выдирает из моей руки локоть, и предупреждает сквозь зубы:

– Короче, если чё недоброе замутится – хана тебе, Крылова! Поняла?

– Ника! Ника! – пытается дооораться до меня из динамика мобильного Машка.

– Да! – ору я в ответ. Злюсь так, что дыхание перехватывает.

– Ты как? Где ты сейчас?

– В школе, где ещё? И очень хотелось бы знать…

– Так, я перезвоню! – перебивает Машка и скидывает вызов.

Я знаю, что работа у неё такая, что в любой момент может напрячь начальство, поэтому обычно в течение рабочего дня сестру можно даже не пытаться вылавливать, но всё равно упрямо перезваниваю:

– Маш, что ты вообще устроила…

– Ника, позже!

И снова сброс. Я рычу. Позже – это когда, вечером, после работы, по дороге с которой она заедет в полицию и стуканёт на Тарасова?

Снова набираю, но Машка сразу сбрасывает. Тогда я пишу ей текстовое: «Если ты ещё хоть где-то заикнёшься про Тарасова – я прыгну с моста!» Минут через семь сообщение заго-

рается прочитанным и тут же приходит ответ: целая строка вопросительных знаков. «Я предупредила!» – подтверждаю я свою решимость, и получаю ответ: «Хорошо, дома поговорим!»

Меня трясёт, но в итоге я всё-таки попадаю на урок химии, ради которого и притащилась сегодня в школу, однако нервы настолько взвинчены, а мысли в раздрае, что подвиг пропадает впустую – я всё равно не могу сосредоточиться на теме.

Глава 6

Придя домой, бросаю сумку с учебниками прямо у порога и, на ходу скидывая обувь и куртку, падаю на свою прохладную кровать. Всё, чего я сейчас хочу, кажется даже больше жизни, это хотя бы пять-десять минут полного покоя – без движения и мыслей.

Прихожу в себя внезапно. Просто – опа! – и открываю вдруг глаза. В квартире тихо и темно, за окном уже горят фонари, а голова лёгкая и ясная, как бывает, когда хорошенько отоспишься.

Эм… проспишься. А иначе как объяснить, что я вдруг понимаю, что отчётливо, от первой до последней минуты помню всё, что было вчера вечером? И как началось, и как продолжалось, усугубляясь коктейлями от Тарасова. Как потом, уже в машине, подстёгнутая его двусмысленными шуточками, осмелела и стала провоцировать. И, кстати, настроение моё тогда было вовсе не пошалить, а скорее… самоуничтожиться.

Говорят же, что у опьянения бывают стадии от «настроение улучшилось» до «настроение в ж*пе», а где-там, посередине, мельтешат все эти «ты меня уважаешь», «хочу приключений» и прочие. Так вот, под конец вечера мне было плохо. Внешне ещё вроде бы весело, но внутри – полная безнадёга. Хотелось вернуться обратно в безрассудную лёгкость, и я, делая над собой усилие, пыталась затянуть себя обратно в кураж… Но по факту, мне снова было чудовищно одиноко и никто, тем более Тарасов, точно не смог бы меня утешить. Однако именно Тарасов невольно стал тем самым клином, которым я попыталась выбить другой, прочно засевший и в душе, и в сердце клин…

Теперь я помню, как очнулась от неумелых ласк Антона и жутко испугалась. И я действительно орала тогда и вырывалась, а он, перепуганный не меньше моего, пытался меня утихомирить… А закончилось всё его поцарапанным лицом и испоганенным мною салоном авто.

На остановке, где меня высадил Тарасов, я под изучающими взглядами случайных прохожих продышалась морозом, немного пришла в себя и даже полезла в телефон, чтобы позвонить… Артёму. Нет, правда, тогда это казалось самым логичным, ведь оставшегося ума хватало понимать, что Машка ввалит мне по первое число, стоит лишь ей увидеть моё состояние. А Артём… Он что-нибудь обязательно придумает! Поможет прийти в себя, может, успокоит Машку…

Но на самом деле мне, конечно, просто жутко хотелось его увидеть. И чтобы он узнал уже наконец, что я чувствую, чтобы вспомнил как хорошо нам было вдвоём. Мне и Ему! Без всякой Машки и вот этого всего…

…И какое же счастье, что я сама лично, буквально за час до этой остановки, находясь ещё в стадии вдохновлённого «да и пофиг, гори оно всё синим пламенем!» сама лично «вычеркнула» Артёма из своей жизни, удалив его номер из телефонной книги!

Короче, так и не сумев позвонить Артёму, я догадалась вызвать такси. Но чем ближе подъезжала к дому, тем сильнее меня развозило в душном тепле салона.

В итоге, как выходила из такси и как расплачивалась я уже почти не помню, но зато помню, как, снова оказавшись на морозе, долго не могла открыть домофон, путая цифры кода.

Потом подъезд, лифт, в котором я сначала зачем-то доехала до девятого этажа, потом до пятого и лишь потом пешком спустилась на свой третий…

Помню, как, крадучись, открыла дверь и попыталась проскользнуть в квартиру беззвучной тенью… но ослепла вдруг от вспыхнувшего в коридоре света.

– Ника, какого чёрта?! Ты хоть понимаешь… Да я уже не зала что делать… Да как ты… – Машка исходилась на нескончаемый поток то ли упрёков, то ли истерики, а я… Защищаясь, я набросилась на сестру с ответными обвинениями в том, что пока она тут развлекается со всякими там Артёмами, меня, между прочим, изнасиловали…

– Блин… – сворачиваюсь калачиком на кровати. Мне так чудовищно стыдно, что нутро стягивается болезненным узлом. – Ну бли-и-и-н…

Да, в тот момент, когда я несла эту пургу, я пыталась привлечь внимание, вызвать у сестры жалость и сочувствие моей душевной боли… Но это меня не оправдывает! И это просто чудо какое-то, что Машка сразу же не поволокла меня в полицию!

В коридоре хлопает дверь, включается свет. Я слышу, как разувается сестра… и только теперь вспоминаю фразу из её записки «…Артём все равно не придёт» Почему? Неужели они всё-таки поругались из-за моей вчерашней выходки на кухне?

Но мне не радостно от этого, нет. Только ещё больше стыдно.

– Ника, – зовёт сестра, – почему вещи по всему коридору раскиданы? Я тебе нянька что ли?

Послушно спешу всё прибрать и иду следом за ней на кухню. Машка выгружает из пакета продукты, я привычно раскладываю их по шкафам-холодильникам. Всё как всегда, как ни в чём не бывало… Только молчание натянутое.

– Он меня не насиловал, – наконец решаюсь я.

Машка продолжает молча возиться по хозяйству.

– Ты же не ходила в полицию? Просто директриса сказала, что ты собиралась и я…

– Ника, – Машка вдруг садится на табурет напротив меня, взволнованно сцепляет руки на столе, – если ты его выгораживаешь, потому что Анна Сергеевна пригрозила тебе неаттестацией, то…

– Нет! – перебиваю я. – Я тебе клянусь, что ничего такого! Правда ничего не было! Я соврала.

Машка смотрит на меня, буквально впивается в лицо взглядом, словно изучая каждую чёрточку… и вдруг вскакивает со стула и начинает кружить по кухне:

– Соврала? Соврала?! Ника, ты нормальная или как? Я сегодня весь день места не находила, всё что только можно передумала, а ты… – И вдруг снова резко опускается на табурет, хватает меня за руку: – А ты не врёшь? Нет, серьёзно, не смей его выгораживать, даже если тебя вообще из школы пригрозят отчислить! Я знаю, видела, как Анна Сергеевна в лице перекосела! А ведь я не с угрозами к ней пришла, и не с обвинениями! Я просто хотела увидеть самого этого мальчика, чтобы поговорить, а его в школе не оказалось, и я пришла к директору, как к представителю власти, сообщила о возможном… изнасиловании, и попросила помочь с административной позиции, потому что не знала, как поступить чтобы никому не навредить…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.